

Александр Коломийцев

с. Зональное,
Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2-5/2017)

– 6 –

За кормой остались Киклады, день провели на Делосе, половину пути галера благополучно преодолела. Сияло солнце, квадратный парус наполнял зефир. Анаксимандр и душой и телом стосковался по милой супруге, представлял детей, радующихся заморским подаркам, ребячьи рожицы, с еле сдерживаемой серьёзностью у старшего сына и расплывающихся в счастливых улыбках у младших. Отчий дом приближался, нетерпение заставляло вглядываться вдаль, расхаживать по палубе.

Верхушки кипарисов, кровля Делосского храма Аполлону скрылись за окоёмом. Паруса триер, галер, спешащих в столицу симмахии или возвращающихся домой, растворились в необъятной голубизне.

Анаксимандра окружал радостный мир, в котором не было места печали, дурным мыслям, невзгодам. Галера словно плыла в эфире, небесный купол с редкими пёрышками облаков, бирюзовая морская гладь с ленивыми волнами соединились, образовав этот необъятный, наполненный счастьем мир. Сзади, правее курса судна, появилось тёмное пятнышко, среди бирюзовой дали выглядевшее чем-то инородным и раздражающее взор, словно соринка в глазу. Пятнышко росло, приобретая геометрические очертания остроконечного судна. Шкипер, что не укрылось от глаз пассажиров, выказывал признаки беспокойства: то и дело подходил к корме и тревожно вглядывался вдаль, велел гребцам взяться за вёсла, а затем увеличить темп гребли. Посматривая на медленно, но неуклонно приближающееся судно, сделал это ещё не раз. Отвечая на вопросительный взгляд Анаксимандра, процедил сквозь зубы:

– Молись Гермесу, купец. Пираты!

У Анаксимандра ёкнуло и заныло сердце. Ноги сами привели на заднюю палубу. Шкипер держал совет с ближайшим помощником.

– Если взять северней, да помогут нам боги, укроемся на Икарии. Будем идти на Патмос, непременно догонят, – говорил кормчий.

– Знаю. До Икария тоже не дотянуть, они обрежут нам путь. Хорошую позицию заняли, собаки, – возразил шкипер, но всё же прислушался к совету и приказал сменить курс.

Уже все пассажиры почувствовали опасность и толпились у бортов. Сомнений не оставалось: злополучную галеру преследовала пиратская бирема. Узкое двухъярусное судно легко скользило по морской поверхности. Впереди в дымке проступал спасительный остров. Вселяя надежду, спасение приближалось, но при взгляде назад надежда исчезала. Чёрная бирема неумолимо настигала жертву. Торговое судно не предназначалось для гонок, уже не только гребцы, но и келевст покрылся потом. Гребцы галеры не выдерживали темпа, слаженная

работа вёсел нарушилась, ход судна постепенно замедлялся. Когда пиратский корабль поравнялся с торговым судном и морские грабители ухватили настигнутую жертву крючьями, на острове хорошо различались деревья, росшие на вершинах утёсов, но спасение стало недостижимым. Анаксимандр заскрипел зубами и замотал от бессилия склонённой головой. Сопротивление было бесполезным. Пираты с обнажёнными мечами валом валили на палубу. Пассажиров, грозя немедленной расправой, согнали к мачте, окружили тесным кольцом. Парус спустили, по приказу вожака пиратов матросы бросили якорь. Команду отделили от пассажиров, предводитель безошибочно определил шкипера и спустился с ним в трюм. Анаксимандр смотрел на белые пушинки облаков, беззаботно несущихся по голубому небу, посматривал на недостижимый теперь остров, прикидывал, смог ли бы добраться до него вплавь. Сознание отказывалось признать происходящее явью, столь поразителен был переход от безмятежности к полному драматизма исходу плавания. Пираты занялись добычей, пленников запугали и, уверившись в их полной покорности, охраняли вполглаза. Три-четыре хороших прыжка, и он бы оказался у свободного правого борта. Пираты не успеют опомниться, как он окажется в воде. От одежды освободится, вот башмаки помешают. Анаксимандр прикидывал возможность бегства и словно пребывал в оцепенении, всё же до острова не менее полутора десятков стадий, и вода ещё довольно холодная. Решимость сдерживала надежда на благоразумие разбойников. Не станут же пираты убивать, это не в их правилах. Назначат выкуп, но неужели им мало добра, которое они отнимут у него? Пока Анаксимандр размышлял, прикидывая «за» и «против», вожак обследовал трюм, поднявшись на палубу, выглядел довольным и весёлым. Оглядев толпу испуганных, жмущихся друг к дружке пассажиров, начал сортировку. У пленников отбирали дорогую одежду, срывали перстни, отвязывали кошель. Окинув насмешливым взглядом жертву, назначал

выкуп. Несчастные тут же на палубе на клочках папируса писали письма родным, друзьям. Горемык, не имевших возможности оплатить освобождение, отводили к носу корабля. Дошла очередь и до Анаксимандра. Пират, прищурившись, с подвохом оглядел купца, губы кривились в хитрой усмешке.

– Ну что, милетянин, – тут он назвал его по имени, что немало удивило Анаксимандра, хотя сведения о пассажирах пират мог получить от шкипера. – Ты человек богатый, и я назначаю выкуп за тебя в один талант.

Анаксимандр подумал, что от избытка чувств грабитель пошутил, но пират, посмеиваясь, подтвердил названную сумму.

– Ты купец богатый, вон сколько товара в Афинах набрал, одного серебра на целый талант. Не скупись, не скупись. Неужели твоя жизнь стоит дешевле?

– У меня нет таких денег, я всё заложил, ты и так ограбил меня. Неужели тебе мало? Где мне взять такие деньги?

– Это уже твои заботы. Пиши письмо своей милой жёнушке, пусть расстарается. А ты пока у нас погостишь. Да пиши, пусть поторопится, за постой тоже платить придётся.

У скалившихся грабителей последнее замечание вызвало дружный хохот, разъяривший Анаксимандра.

– Я тебе повторяю, мне негде взять такие деньги. Ты и так сделал меня нищим, больше у меня ничего нет, – и, пытаясь воззвать к совести пирата, добавил: – Ты поступаешь несправедливо. За военнопленных назначают выкуп не более пяти мин. Я согласен на десять, и ни драхмы больше.

– Ты глухой или тупой? – заорал пират, и пребольно дёрнул пленника за бороду. – Я сказал – талант!

– Ты, верно, утром с осла упал, что мелешь такой вздор! Платить целый талант выкупа! Да где это видано! Я что, персидский царевич? – ответил пленник яростным вскриком.

Человеку, чья жизнь находилась в полной власти другого человека, не могла безнаказанно сойти с рук оскорбительная выходка.

Пират хлестнул упрямяца костяшками пальцев по лицу.

– Как ты набрался наглости, разговаривать со мной так, собака?

Кровь, заструившаяся из разбитого носа, взбеленила Анаксимандра. Да как смеет презренный морской шакал так обращаться с ним? Неужели он, от чьей руки находили смерть беспощадные в бою мидяне, станет пресмыкаться перед этой подлой гиеной и ввергнет семью в нищету? Впереди призывно маячил остров, все опасения испарились. Кулак Анаксимандра влип в подбородок пирата, нога, обутая в башмак, ткнулась в низ живота. Развернувшись, он ринулся к свободному борту. Но момент для бегства оказался неудачным. Стоявший рядом с главарём пират успел подставить ногу, и Анаксимандр со всего маха ударился теменем о бортовой брус. Свет померк в глазах беглеца, очнулся он от воды, окатившей его распростёртое на палубе тело. Главарь, закусив от бешенства ус, рывком поднял его на ноги.

– Вот что я тебе скажу, Анаксимандр, очень ты пожалеешь о том, что сделал. Серебро любишь? Так ты его теперь сам добывать станешь. Я тебя не за талант, я тебя за два обола на рудник продам. Всыпать ему! – проревел пират, ударом кулака свалив пленника на палубу. – В цепи и в трюм.

Засвистели бичи, тело именитого купца, давно отвыкшее от боли, ожгли удары. Пираты между тем шныряли по всему кораблю, потроша и переворачивая вверх дном скарб пассажиров и команды. На палубе выросли три разновеликие кучи: мягкая рухлядь, драгоценности и деньги, всевозможная утварь. Самих же пассажиров заставили перетаскивать на пиратское судно и груз из трюма, и личные вещи, перешедшие к другим владельцам. Заложников, за которых предполагалось получить выкуп, препроводили на бирему, будущих рабов, вместе с матросами их набралось полтора десятка, загнали в трюм на галере. Анаксимандра, единственного оказавшего сопротивление и за свой поступок получившего

кару, в трюм сволокли как мешок с репой, при этом он пересчитал головой ступени.

Огружая бирема, словно насосавшаяся крови гигантская пиявка, отвернула в сторону, галера развернулась и направилась назад, к Кикладам. Двое суток корабль простоял в бухте какого-то островка. За это время пленников кормили дважды – выдали по куску чёрствой ячменной лепёшки и черпаку воды. На вторую ночь к пленённому кораблю поочередно пришвартовывались две галеры, очевидно, очередные жертвы пиратов. С подошедших судов на первое переправили пленников. Трюм заполнился до отказа, узники сидели тесно прижавшись друг к другу. Загрузившись невольниками, галера продолжила плаванье.

На третью ночь налетел шторм, и пленники прощались с жизнью. Судёнышко взлетало, проваливалось, валилось с боку на бок, лишь чудо удерживало его на плаву, не позволяя перевернуться. Тесный трюм наполнили стенания и мольбы. Гибель казалась неминуемой. Анаксимандр оставался в цепях, и можно было надеяться, что в случае крушения, кто-нибудь из человеколюбия освободит его от железных оков. Постепенно из неуправляемой щепки галера вновь превратилась в судно, на котором хлопал поднимаемый парус, слышались команды.

Кормили всё так же впроголодь, но сильнее недоедания, донимала жажда и густая вонь, в которую превратилась атмосфера наглухо задраенного помещения. Неведомым образом, по догадкам, случайно обронённым во время кормёжек фразам, затворники вызнали, что галера направляется к берегам Аттики. У Анаксимандра шевельнулась слабая надежда. Если поведут на афинский рынок, возможно, удастся сообщить о своём положении Хремилу, и тот выкупит его.

Все эти тяжкие дни его донимала мысль о непонятной осведомлённости пиратов. Во время грозы, подобно молниям, короткими сполохами освещавшим беснующиеся волны, голову озарила догадка. Осведомлённость пиратов соединилась с гостиничным

мальцом, появившимся в самых неожиданных местах. Его участь была предрешена ещё на афинской агоре, когда он получал у трапедзита деньги, покупал серебро, и позже, в порту, когда грузил накупленные товары на галеру. Без сомнения, липкий, вечно потеющий метек, содержащий гостиницу, заодно являлся осведомителем пиратов. Ему бы вести себя поскромней, а он с первого же мгновения своего появления в гостинице принялся фордыбачить, блюдя достоинство, и тем привлёк к себе внимание. Олух он, олух.

Плаванье закончилось. День галера провела на якорной стоянке. Солнце в неподвижном воздухе накалило палубу, и пленники маялись в парной духоте. Окна в грузовом трюме отсутствовали, день пугался с ночью. Мученья, казалось, длились бесконечно, но однажды, это было раннее утро, трюм открыли и велели выходить на палубу. От свежего воздуха закружилась голова, взгляд жадно рыскал окрест. Галера стояла у равнинного, плоского берега, вдали синё горбилась гряда скал ли, утёсов, гор, расстояние скрадывало очертания. По толпе невольников судорогой прошла страшная догадка: «Лаврион!» Хуже был только тартар. С Анаксимандра сняли цепи, предупредив, что при попытке к бегству его просто-напросто проткнут копьём. Злоба, проступавшая на лицах сторожей, подтверждала угрозу. Партиями на лодках невольников переправили на берег. Здесь их ждали вооружённые охранники с собаками, особо выделялся будущий хозяин, покупатель, ощупывавший взглядом каждого человека, ступившего на землю. Атаман пиратской шайки, не тот, что захватывал галеру, другой, вместе с покупателем пересчитывал живой товар. Покупатель морщился, качал головой: после голодухи, пребывания в тёмном, душном помещении пленники имели неказистый вид. Стоявший рядом помощник, делал пометки в диптихе. По одному пленники переходили с места высадки к стражникам, давая оглядеть себя словно скотину, даже раздевались по требованию донага. Подхо-

дил приказчик, ловко щупал мускулы, мял живот, натасканным движением принуждал раскрыть рот, оглядывал зубы. Покупка рабов являла знакомую картину, но ранее Анаксимандр смотрел на эту знакомую картину глазами покупателя, а не товара. Мысль о том, что его заставят догола раздеться, станут щупать, осматривать словно скотину, сводила с ума, требовала каких-то решительных действий. Но вокруг стояли люди, которые силой оружия вынудят его подчиниться, и выйдет ещё хуже. Его не заставили раздеться, велели подойти. Покупатель брезгливо оглядел новое приобретение, спросил, поджав губы:

– Грамотный?

Анаксимандр ответил утвердительно. Покупатель взял у помощника чистый диптих, протянул Анаксимандру.

– Напиши своё полное имя, кто, откуда, чем занимаешься.

Надеясь, что теперь, когда разъяснится его положение в обществе, афинянин примет какое-то участие в его судьбе, Анаксимандр, присев на корточки и положив диптих на колено, с готовностью исполнил приказ. Афинянин внимательно прочитал написанное, удовлетворённо кивнул, дал новое задание.

– Пересчитай всех рабов, это первое, второе, допустим, допустим, – повторил, покосившись на торговца живым товаром, – двенадцать человеконогих я беру по три мины, остальных – по две. Сочти, сколько денег я должен уплатить? Всё запиши.

Анаксимандр усмехнулся, исполнил и этот приказ. Умение грязного, дурно пахнущего невольника писать числа, подтвердили полученную покупателем характеристику приобретаемого товара. Ожидания Анаксимандра не оправдались. Надменно-го афинянина несколько не интересовала его личность, ему требовалось лишь удостовериться в его грамотности. Тычками Анаксимандра препроводили к невольникам, прошедшим осмотр.

Подлый лиходей пересчитал вырученные несправедным путём деньги, ссыпал тетрадрахмы в объёмистый кошель. Пи-

раты сели в лодки, вернулись на галеру, тут же снявшуюся с якоря. Рабам раздали лепёшки, дали вволю напиться. Новый хозяин взошёл на колесницу и в сопровождении двух слуг и обоих приказчиков укатил. Начальствовал охранник, одетый в эксомиду, с мечом на поясе и бичом в руках. От прочих стражников отличался властным голосом и повелительным взглядом.

– Сейчас отправимся на рудник, – объявил начальник, со злобной настороженностью оглядывая стоявших перед ним людей, словно те в чём-то успели провиниться перед ним. – Имейте в виду, собаки натасканы на беглецов, не вздумайте бежать. Следующий раз есть будете на месте, так что поторапливайтесь.

За каменной пустошью колонна невольников втянулась в пыльную дорогу, пролежавшую меж клеров, засеянных ячменём. Солнце припекало, по телам струился пот, заливал глаза. Щёлкали бичи, предостерегающе рычали собаки. Ячменные поля сменились виноградниками, оливковыми рощами. Миновали деревню, справа показалось белоколонное здание имения. Горы расплывались в мареве и, словно вопреки логике, удалялись. Мучимые жарой и жаждой путники отрывали от лохмотьев лоскуты, прикрывали головы. Погонщики двуногого скота оставались неумолимы. Сами охранники по мере надобности утоляли жажду, даже собакам, вывалившим из пасти языки, давали напиться из глиняных плошек. Рабам же, в пересохших ртах которых исчезла слюна, потрескались губы, не позволяли даже оглядываться на четвероногих счастливчиков. Охрана постоянно должна находиться в готовности, её силы нуждаются в поддержке. Виноградники и сады сменились обширной луговиной, по которой бродило стадо ярко-бурых коров, поедающих сочную траву. Горы всё же приближались, приобретая чёткие очертания, склоны у подножия зеленели, обещая прохладу. После нескольких дней, проведённых впроголодь в закрытом трюме, невольники не выдерживали безостановочной ходьбы.

Шаг замедлялся, не помогали ни окрики, ни угрозы, ни удары бичей. Порой движение останавливалось, то один, то другой невольник, не перетерпев солнечного жара, валился наземь. Колонна достигла тополиной рощицы, и начальник охраны, скорее в силу обстоятельств, чем из человеческого сострадания, объявил привал. Рабам выдали по черпаку воды, которую в закрытых амфорах вёз ослик. Анаксимандр выпил половину порции, второй половиной смочил волосы на затылке и лоскут, из которого, связав узлы на концах, соорудил подобие пилоса. На некоторое время ухищрения принесли облегчение. Не успели невольники прийти в себя и мало-мальски передохнуть, посыпались команды трогаться в путь, сдобренные ударами бичей. Миновали и луг, сменившийся редколесьем, постепенно перешедшим в густой смешанный лес. Войдя под кроны деревьев, путники избавились от невыносимого зноя, оказавшись в лесной прохладе. Но облегчения не последовало, дорога шла на подъём, забирая остатки сил. Обошли одну гору, в распадке в межгорье уходила накатанная дорога. Под ногами появились две колеи, выбитые колёсами, дорога, очевидно, вела в Афины. За второй горой свернули влево, подъём становился всё круче и круче. Лес закончился, склоны покрывала каменная почва, поросшая жёсткой травой, красноватыми оспинами проглядывали обнажения. Быстро темнело, и уже в лунном сиянии вышли на обширную каменную площадку. При свете факелов невольников провели мимо куч породы, усадили на землю у длинного дощатого барака и раздали по фиале ячменной каши, сдобренной горьковатым маслом. Есть пришлось руками, черпать воду из стоявшего на площадке пифоса этими же чашами. Впервые за несколько дней невольники почувствовали подобие сытости. Спали тут же, на земле. Охраны поблизости не поставили. Да она была и ни к чему. От усталости люди едва волочили ноги.

(Продолжение следует)